

Печать американизма Акунину не грозит

Режиссер Пол ВЕРХУВЕН, известный своей скандальной репутацией в Голливуде, взялся за экранизацию романа Бориса Акунина "Азазель". "История эта, по словам режиссера, о благородном детективе, борющемся со злодеями, среди которых британская аристократка Эстер. И этой характеристики достаточно, чтобы кино получилось". Таким образом, в скором времени прибавится, видимо, заслуг у автора "Основного инстинкта" и "Робокопа", прославившего в мире кино одним из самых жестких и агрессивных режиссеров нынешнего киновека.

— Вы собираетесь и на сей раз сделать жестокое действие с телами, дымящимися в лужах крови? Продолжите шокировать публику, не дав ей даже вздохнуть? В то время как жизнь и без ваших кинематографических откровений — сплошной шок. Прежде всего я имею в виду 11 сентября прошлого года. Да и многое другое. Не буду даже перечислять.

— Нет. И может быть, именно в силу того, что вы сказали. Шока не будет. Или будет, но в том смысле, что зритель, ожидающий от меня очередной порции ужаса, ее не получит. Конечно, мне придется убивать. Но это претензии к Борису Акунину. Однако печать американизма на этот фильм не ляжет. Наоборот, я хотел бы, чтобы шарм, присущий Акунину-романисту, сохранился. Без шарма получится жесткий детектив, которых много. А ведь Акунин — писатель трепетный. Его надо экранизировать как бы между строк.

— А сразу после "Азазеля" вы, кажется, собираетесь делать кино про Адольфа Гитлера? Видно, акунинский трепет вас, режиссера голливудской школы, быстро утомит?!

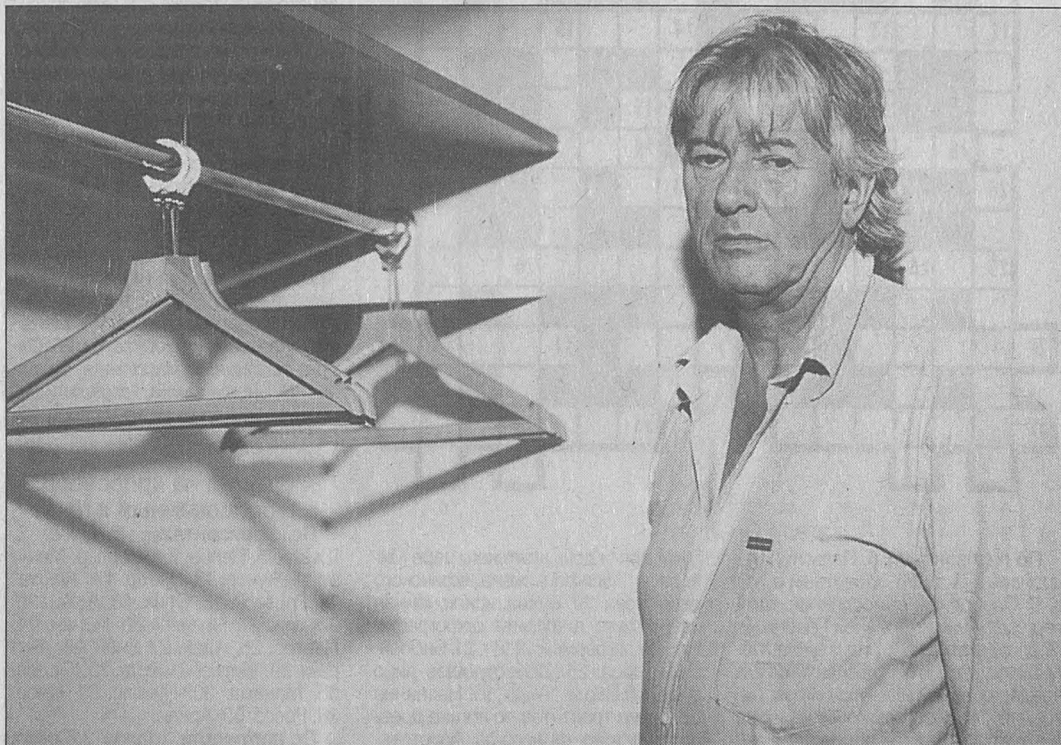

Фото из журнала "Эмпаир"

П.Верхувен

— Не знаю, посмотрим. А что касается фильма про Гитлера — это все еще наброски. Я даже приблизительно не знаю, каким должен выйти сценарий. Хочу только, чтобы он рассказывал о ранней поре гитлеровской карьеры. И о последующем расцвете периода нацизма. Эту идею мне предложил приятель, сценарист Бобби Шрайвер. Кстати, много вы видели в истории человечества личностей, за которыми шли 50–60 миллионов изначально неслепых людей? И которые слепли. И становились фанатами. Моральными уродами в угоду идеологии. Это ведь феноменальное явление!

И потом, мне интересно сделать кино о противостоянии русских и немцев во время войны. Но представить зрителям именно немецкую версию: войну с точки зрения захватчиков. Так ведь принято называть немецкую армию?

— Тема войны для вас очень важна. Вы все время напоминаете нам о ней. Почему? В мире уже такое количество новых войн, что, может, хватит о той?

— Одна война порождает другую. Если бы не практика нацизма, возможно, в мире не было бы других войн. Но дело даже не в этом. Я люблю то время. Мне оно кажется прекрасным, хотя я понимаю, что подобное изречение режет слух. Я объясню, в чем дело: война вывела нас всех на чистую воду. Каждый показал себя. В буднях человеческий характер в полный рост не проявляется. Нужен экстрим. Война — всегда экстрим.

— Но вы тогда были ребенком. Ваше детство прошло в оккупированной Голландии.

— И это тоже сыграло свою роль. Впечатления детства живут в нас до последнего вздоха. Но, как бы кош-

марны они ни были, ребенок воспринимает их отстраненно. Заторможено. Он видит кровь и говорит себе: вот кровь. Психологи не даром считают, что для ребенка радости мира — плохой сон. Всегда можно проснуться и избавиться от страха. Поэтому не хочется торопиться, а хочется разглядеть подробности до конца. Я видел убитых на улице, в деталях помню, как выглядели раны, как сочилась кровь. Как бела человеческая кость. А однажды я наблюдал за операцией. Правда, на киноплёнке. Но во всех деталях. Оперировали мальчика со слабым сердцем. Нож разрезал кожу. Я следил не отрываясь. Я сам был глазом кинокамеры. И уже тогда, наверное, — режиссером. Меня это зрелище не шокировало. Скорее завораживало. Зрители, когда я им показываю подобное, готовы наброситься на меня с кулаками!

— Вы никогда не пытались обу-

дать себя, подвергнуться самоцензуре? Усмирить жесткость. Не в угоду публике, а из тех соображений, что искусство несет в себе, уж извините за банальность, идею гуманизма. А вы считаете себя человеком искусства!

— Меня устраивает то, чем я занимаюсь. При всей внешней жесткости моего метода, согласитесь, в моих фильмах нет беспредела. А есть жесткие принципы. Например, дети в моем кино никогда не станут жертвами. Это непреложный закон.

— Можно вернуться к "Основному инстинкту"? Вы уже пережили и скандал, и триумф. Вы в состоянии оценивать фильм спокойно.

— А что его оценивать? И с самого начала триумф и скандал придумала публика. Я спокойно относился к фильму. Все выли от эпизода с Шерон Стоун, снимающей нижнее белье в публичном месте. А между тем Голливуд меня уже давно по части этого белья переплюнул. В Голливуде герои где только не раздеваются. Тоже мне сенсация! Потрясла Шерон своими кружевами — критика рухнула в обморок. Здесь просто сама за себя поработала моя скандальная репутация. А сюжет — почти обыкновенный. Другое дело, что у американцев, кажется, есть очевидные проблемы в сексуальной жизни.

— Не парадоксально ли это звучит?

— Вот именно. Вроде бы они все выставляют напоказ, а вот в сексе закрыты. Он для них — словно трясина. Они в нем вязнут. Представьте себе стандартную ситуацию: двое занимаются любовью. Раз — входит третий. Наступает конец истории. Я, как режиссер, считаю, что, когда входит третий, — он не лишний. Без него хуже. Провал в сюжете. А американцы от моих рассуждений стыдливо опускают глаза. Смешно, нация придумывает кибборгов и участвует в "Звездных войнах" (фигурально выражаясь) и при этом так ханжески настроена по отношению к личной жизни.

— Тогда возвратимся к экранизации Акунина. Там будут откровенные сцены?

— Хотел бы я знать, где их сейчас нет. Конечно, будут.

— И каково ваше мнение о русских? Они тоже закомплексованы?

— Они очень романтичны. И хотя российское кино сейчас считается очень откровенным и в его откровениях много голливудской жестокости, менталитет, природный характер берут свое. Иногда эти новые русские, эти бандиты с большой дороги в интимных сценах трогательны и ласковы, как в восемнадцатом веке.

— Может быть, просто с возрастом режиссер начинает менять свое кредо? Вы ведь, кажется, собираетесь еще и снимать фильм про Иисуса Христа...

— Только потому, что эта личность меня интересует — смена кредо здесь ни при чем. Слишком много вокруг Христа разных историй, легенд, не имеющих к нему никакого отношения. А я хочу освободиться от глупостей, которые теологи говорят об Иисусе.

— Пазолини однажды уже снял свое шоковое "Евангелие от Матфея". Очень страшное кино с очень страшным Иисусом: его можно было только бояться! Пазолини остался верным себе, несмотря на библейский сюжет. Вы тоже останетесь верны себе в этом фильме?

— Повторяю, я просто хочу освободить легенду о Христе от навязанных ей глупостей и мифов. Меня интересует роль личности в истории. Поэтому я и беру с громкие имена. В этом нет ни подбострастия, ни религиозного фанатизма, ни желания оскандалиться.

— Хорошо. Подведем итоги: вы остаетесь самым шоковым и в силу этого одним из самых кассовых режиссеров Старого и Нового Света. Шок, господин Верхувен, это по-вашему!

— Понимаете, кто-то должен мне сознаться в том, что после моего фильма действительно хочется закрыть лицо руками. А человек, даже будучи шокированным, никогда в этом не признается. Не такова человеческая натура. Он просто скажет мне: вы сняли плохое кино!

Адам СМИТ
Нью-Йорк